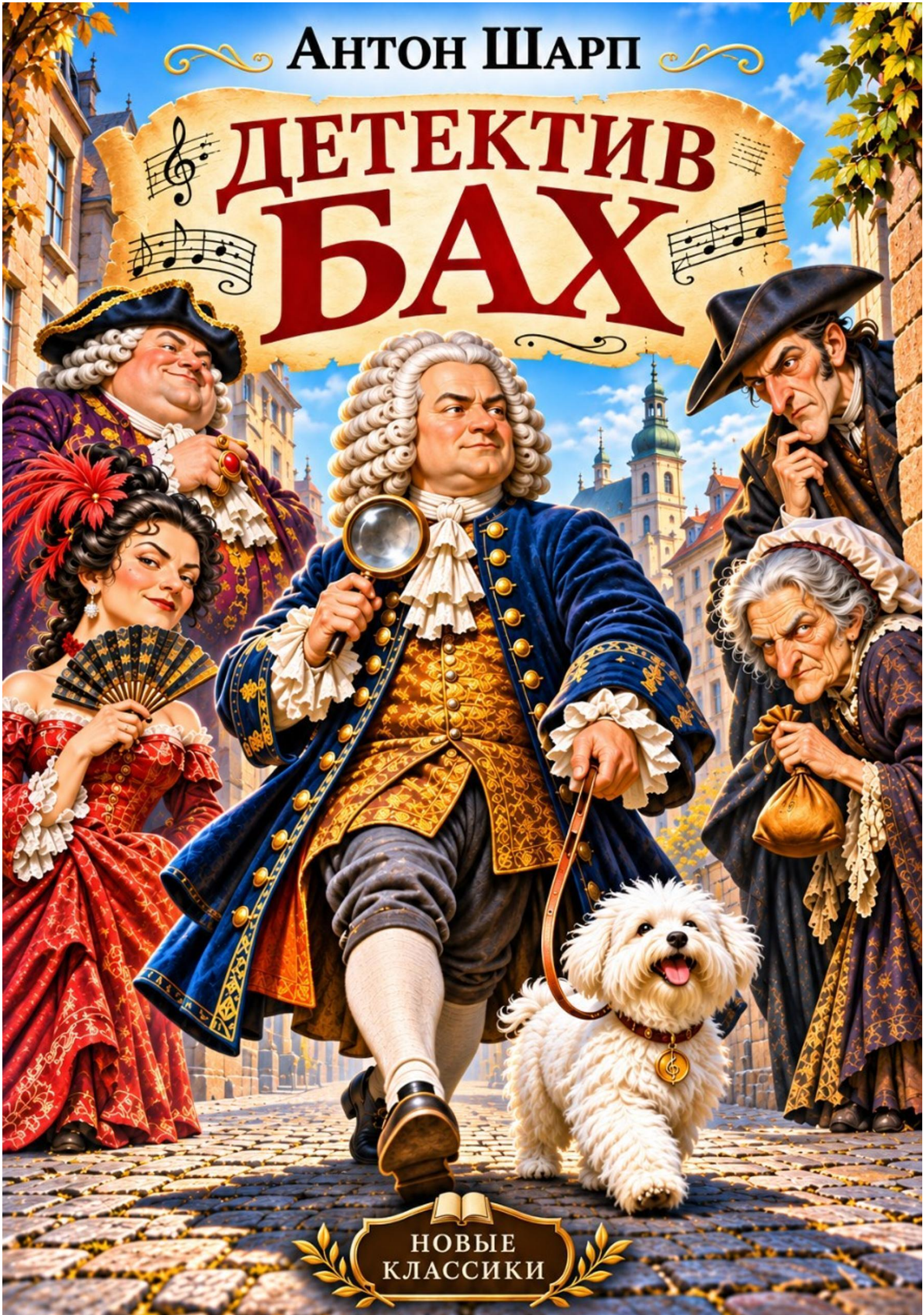

Антон Шарп
Детектив Бах
Новые классики

Антон Шарп

Детектив Бах

«Автор»
2026

Шарп А.

Детектив Бах / А. Шарп — «Автор», 2026

ДЕТЕКТИВ БАХЧто делать, если органист бесследно исчез, граф уснул при подозрительных обстоятельствах, музыкальные рукописи стоят целого состояния, а за органом прячется настоящий шпион?Конечно, начинать расследование!Двенадцать историй. Двенадцать загадок в интерьерах Гамбурга 18 века. И целая коллекция преступлений, в которых замешаны хитрые купцы, жадные наследники, коварные интриганы, таинственные незнакомцы и даже весьма подозрительные музыканты!За дело берётся сам Иоганн Себастьян Бах! Композитор и детектив.Ему помогают находчивая дочь Лизхен, полицейский комиссар фон Кляйн и решительная кухарка Грета.Но за весёлыми детективными приключениями скрывается ещё одна история — история настоящего Баха.В 13 главе читателя ждёт знакомство с фактами из жизни композитора, которые послужили основой нашего детектива.Осторожно! После этой книги вы рискуете полюбить не только исторические детективы, самого Баха, но и его прекрасную музыку!Ваш Антон Шарп

© Шарп А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Органист исчезает в полночь 5
Глава 2. Деньги любят… музыку 11
Глава 3. Спокойной ночи, граф! 17
Глава 4. Слишком много корицы 23
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Антон Шарп
Детектив Бах

Глава 1. Органист исчезает в полночь

За долгие годы службы в лейпцигской полиции мне приходилось расследовать самые разнообразные преступления. Я разыскивал воров, допрашивал мошенников, задерживал убийц и однажды даже арестовал человека, который пытался продать городскому совету его собственную ратушу.

Однако дело об исчезнувшем органисте Иоганне Краузе занимает в моих воспоминаниях особое место. И не столько по причине необычайной сложности расследования, сколько благодаря участию в нём знаменитого композитора Иоганна Себастьяна Баха. Это было наше первое общее дело. Должен признаться, что знакомство с этим замечательным человеком не раз заставляло меня пересматривать собственные представления о сыскном искусстве.

В то утро Лейпциг как всегда просыпался под звон церковных колоколов. Над красными черепичными крышами поднималось холодное январское солнце, а из открытых окон школы Святого Фомы доносилось хоровое пение. Именно там маэстро Бах служил кантором.

— Фальшиво! — прогремел знакомый голос.

Я сразу понял, что господин кантор находится дома.

Бах встретил меня с некоторым неудовольствием.

— Господин комиссар! Надеюсь, вы пришли не за мной?

— Пока нет, - пошутил я. — Исчез человек!

— Комиссар, а до обеда никак нельзя повременить?

Я принадлежу к числу людей, которые считают хороший обед одним из немногих несомненных благ цивилизации. Однако служебный долг всегда ставил выше личных удовольствий.

— Речь идёт об органисте Иоганне Краузе. Вчера ночью он вышел из дома и пропал. Ни письма, ни записки!

Да, совсем забыл сказать что со мной была молодая девушка. Невеста пропавшего органиста. Она показалась из-за моей спины.

— Я его невеста! — всхлипнула она. — Завтра мы должны были объявить о помолвке!

— А жених, значит, вместо этого объявил об исчезновении, — заметила двенадцатилетняя Лизхен, дочь Баха.

Девочка обладала редкой способностью произносить вслух именно то, о чём взрослые предпочитали умалчивать. Её непослушные волосы не поддавались никаким косичкам, а любознательность — никаким запретам.

— Лизхен! — строго произнес отец.

— Я только уточнила.

Я уселся за стол и раскрыл записную книжку.

— У меня уже имеется первый подозреваемый. Органный мастер Мюллер. Накануне исчезновения они страшно поссорились.

— Из-за чего? — спросил Бах.

— После Мюллера орган стал звучать на полтона выше. Краузе заявил, что инструмент теперь звучит так, будто подросток поёт фальцетом.

Бах нахмурился.

— А Мюллер?

— Ответил, что Краузе ничего не понимает в органах. Они кричали друг на друга прямо в церкви. Наконец Мюллер пригрозил: «Вы ещё пожалеете о своих словах!».

— Любопытно, — произнёс композитор. — Краузе всегда отличался выдержанным характером. Видимо, разногласие было серьезным.

— Господин Бах! Очевидно, перед нами угроза убийством!

В эту минуту появилась кухарка Грета с большим блюдом жаркого.

Это была женщина с осиной талией, глазами навыкате и безграничной преданностью семейству Баха. Она терпеть не могла опозданий к обеду и считала, что большинство человеческих несчастий происходит от несвоевременного приема пищи.

— Кто это исчез? — спросила она.

— Органист, — ответила Лизхен.

— Интересно, а он завтракал перед исчезновением?

Я с досадой захлопнул книжку.

— При чём здесь завтрак?!

— Голодный человек далеко не уйдёт.

Бах одобрительно кивнул.

— Наконец-то разумная мысль!

Я решил продолжить расследование без участия этого семейства. Через час мои люди обнаружили возле городской стены широкополую черную шляпу. Невеста Краузе уверяла, что точно такую носил её жених.

Я немедленно вернулся к Баху.

— Вот! — объявил я, положив находку на стол. — Первое вещественное доказательство!

Композитор внимательно осмотрел шляпу.

— Вы уверены, что она принадлежит Краузе?

— Невеста узнала её!

— Именно эту?

— Совершенно такую же!

— Тогда предлагаю посетить шляпника. Он наверняка помнит всех покупателей.

Господин Шульце, к которому мы отправились, оказался весьма разговорчивым человеком.

— Прекрасная вещь! — воскликнул он, увидев шляпу. — Последняя мода!

— Кому вы её продали? — потребовал я.

— На этой неделе? Человек двадцать купили.

— Двадцать?!

— Возможно, двадцать пять. Вчера один господин взял сразу две.

— Значит, установить владельца невозможно?

— Отчего же? Владельцев теперь человек двадцать пять!

Лизхен, сопровождавшая нас, прыснула.

— Папа, выходит, у нас двадцать пять пропавших органистов?

— Пока, слава Богу, один, дитя моё. И даже его исчезновение мы ещё не объяснили.

Я сердито примерил шляпу. Она пришлась мне впору.

— Следствие продолжается!

— Осторожнее, господин комиссар, — предупредил Шульце. — Теперь и вас могут принять за пропавшего.

Я предпочел оставить это замечание без ответа. Известно, что шляпники слегка не в своем уме.

К полудню органного мастера Мюллера доставили для допроса. Он оказался худым человеком с длинным носом и таким сердитым выражением лица, словно весь мир был настроен на полтона ниже положенного.

— Господин Мюллер, вы признаёте ссору с Краузе? — начал я.

— Признаю! Но орган я настроил превосходно!

— На полтона выше!

— Правильно! — Так теперь настраивают во Франции! Это модно, в конце концов!

— Краузе сравнил ваш инструмент с подростком, поющим фальцетом.

Мюллер побагровел.

— Мой орган?! Фальцетом?! Да у него голос архангела!

— Архангелы обычно поют ниже, — заметила Лизхен.

— Лизхен! — одернул ее отец.

— Этот мальчишка оскорбил мою работу! — продолжал мастер. — Я сказал ему: «Вы ещё пожалеете о своих словах!» И готов это повторить!

Я торжествующе посмотрел на Баха.

— Повторная угроза! Прошу обратить внимание!

— Пока я слышу лишь оскорбленное самолюбие, — спокойно ответил композитор.

— Где вы находились вчера утром? — спросил я.

— Настраивал орган в церкви Святого Николая. Со мной работали два подмастерья.

Я записал их имена для проверки. Бах, до сих пор молчавший, неожиданно задал вопрос:

— Скажите, господин Мюллер, а что именно Краузе произнес перед вашим расставанием?

— Заявил, что на этом органе больше играть не будет!

— Именно так?

— Слово в слово! А я ответил, что надеюсь, что следующим его инструментом станет губная гармошка!

Композитор задумался.

— Любопытно.

— Что именно? — спросил я.

— Пока ничего определённого.

— Папа, — вмешалась Лизхен, — а вдруг Краузе действительно отправился искать другой орган?

Бах внимательно посмотрел на дочь.

— Весьма интересная мысль.

Я не разделял их воодушевления. У меня имелись угроза, исчезнувший человек и подозреваемый с весьма скверным характером. Впрочем, проверка показаний двух подмастерьев подтвердила алиби Мюллера.

Когда мы вернулись к Баху, Грета встретила нас с выражением глубокого неодобрения.

— Жаркое остыло. Я его разогрела. Оно опять остыло.

— Преступление пока не раскрыто, — сообщил я.

— Тогда сначала поешьте. На голодный желудок все кажутся убийцами.

Я не мог не признать справедливости этого наблюдения. За обедом Лизхен неожиданно сообщила:

— Я разговаривала с невестой Краузе. Она сказала, что у него исчезли дорожный плащ, праздничные башмаки и чистая нотная бумага.

— Не может быть! Она мне ничего такого не сообщала — удивился я.

— Мне тоже, пока я не спросила.

— Без моего разрешения?!

— Прошу прощения, господин комиссар. Мне так хотелось помочь ей найти пропавшего жениха.

Бах отложил вилку.

— Плащ, праздничные башмаки, ноты… Как вы полагаете, господин комиссар, зачем похитителю понадобились подобные вещи?

— Возможно, преступник забрал их, чтобы запутать следствие.

— Допустим. Но почему именно праздничные башмаки?

Я задумался. Действительно, убийца, похищающий вместе с жертвой её лучшую обувь, представлялся мне весьма необычным преступником.

— А нотная бумага? — продолжал Бах. — Она необходима человеку, который собирается заниматься музыкой. Дорожный плащ указывает на путешествие, башмаки — на торжественный случай.

— Вы хотите сказать, что Краузе мог уехать добровольно?

— Это наиболее простое объяснение.

— Но куда?

Бах помолчал.

— Он был честолюбивым молодым человеком. Если он покинул Лейпциг ради нового органа, то, вероятно, рассчитывал получить место органиста.

— И жениться? — добавила Лизхен.

— С чего это ты взяла?

— Для чего же ему тогда праздничные башмаки?

Я собирался возразить, но в дверь постучали. Грета впустила почтальона, который передал Баху письмо с почтовым штемпелем из портового города Любек.

Композитор взглянул на конверт и неожиданно улыбнулся.

— Дитрих Букстехуде! Органист! Подумать только!

— Вы знакомы? — спросил я.

— Ещё бы! В молодости я отправился к нему в Любек на четыре недели. Послушать как он играет.

— И что же?

— Вернулся через четыре месяца.

Я невольно выпрямился.

— Вы тоже исчезали?!

— Исключительно ради музыки.

— И вас не разыскивала полиция?

— Нет. Но церковное начальство было весьма недовольно.

Бах развернул письмо. По мере чтения его брови поднимались всё выше.

— Что там? — не выдержал я.

— Приглашение на свадьбу.

— Чью?

— Дочери Букстехуде.

— Поздравляю. Но какое отношение это имеет к нашему расследованию?

— Самое непосредственное. Потому что жених — Иоганн Краузе.

Я вскочил.

— Наш пропавший органист?!

— Именно.

— Значит, он жив?!

— И, по всей видимости, вполне здоров.

— Но у него уже есть невеста!

— Была, — поправила Лизхен.

Бах протянул мне письмо. Букстехуде сообщал, что молодой органист прибыл в Любек, произвел прекрасное впечатление своей игрой и выразил готовность стать его преемником.

Предстоящая свадьба с дочерью маэстро должна была окончательно решить вопрос о его назначении.

— Так он сбежал ради органа?! — воскликнул я.

— Не совсем. Ради органа и невесты.

— Но зачем жениться на дочери Букстехуде?

— Таково условие получения должности. Сам Букстехуде когда-то женился на дочери своего предшественника.

— Удивительные порядки!

— В музыкальном мире встречаются и более удивительные.

Лизхен с любопытством посмотрела на отца.

— Папа, а тебе тоже предлагали жениться на дочери Букстехуде?

Композитор осторожно сложил письмо.

— Лизхен, некоторые вопросы лучше задавать музыкантам, когда рядом нет их жён.

Я ударил ладонью по столу.

— Безобразие! Я немедленно напишу в Любек!

— С какой целью? — спросил Бах.

— Предупредить невесту!

— О чем ? — поинтересовалась Лизхен.

Я снова сел. За годы службы мне приходилось распутывать весьма сложные дела, но впервые я столкнулся с необходимостью выяснить, какую из двух невест следует считать пострадавшей.

— Значит, преступления все-таки не было? — спросил я наконец.

— Возможно, было, — ответил Бах. — Но скорее против прежней невесты.

Из кухни появилась Грета.

— И когда свадьба?

— В следующем месяце, — ответил композитор.

— И что подадут на стол?

— Неизвестно.

— Тогда я не поеду.

Лизхен между тем не оставляла своего отца в покое.

— Папа, а ты женился бы ради самого прекрасного органа на свете?

— Нет, дитя моё.

— Даже если бы он был вдвое больше нашего?

— Нет.

— А если втрое?

Бах покосился на дверь.

— Лизхен, тише пожалуйста. И не говори о нашем разговоре маме.

— Почему?

— Потому что она непременно спросит, почему я вообще говорил на эту тему!

В этот момент раздался голос Греты:

— Господин кантор! Жаркое опять остыло!

Бах поднялся.

— Вот видите, господин комиссар. Органисты исчезают, невесты меняются, расследования заканчиваются самым неожиданным образом…

— А что остаётся? — мрачно спросил я.

— Обед, — ответил Бах.

Я не мог с ним не согласиться. Впоследствии, занося это дело в полицейский журнал, я сделал следующую запись: «Иоганн Краузе обнаружен живым. Признаков насильственного

преступления не установлено. Причина исчезновения — профессиональное честолюбие и предстоящая женитьба».

И лишь для себя добавил ещё одно замечание: «В расследованиях, связанных с музыкантами, следует обращать внимание не только на угрозы, но и на праздничные башмаки».

Глава 2. Деньги любят… музыку

В тот солнечный февральский день я понял одну важную вещь: чтобы разорить целый город, вовсе не обязательно иметь армию. Достаточно купцов, складов и хорошего слуха. Впрочем, последнее обстоятельство выяснилось значительно позже. А началось всё с обычной селедки.

Я вошёл в дом Баха без стука.

— Господин Бах, в Лейпциге происходит нечто ужасное!

Композитор поднял голову от нот.

— Что, господин комиссар, опять пропал музыкант?

— Хуже!

— Пропал орган?

— Рыба!

Из кухни выглянула Грета.

— Даже селёдка?

— Особенно селёдка!

Грета побледнела. Впервые за всё время нашего знакомства я увидел на её лице настоящий ужас.

— Селедка, — сказала она, — это уже серьёзно.

Я сел.

— Трое богатейших купцов города скупили почти всю рыбу в городе. Цены поднялись втрое. А неделю назад те же господа скупали соль!

— Может, они собираются солить рыбу? — предположила Лизхен.

— Они хотят чтоб мы так думали!

— А что они собираются делать на самом деле? — спросил Бах.

Я понизил голос.

— Пока не знаю.

— Жаль, — заметил композитор.

Я пропустил реплику мимо ушей.

— Мы следим за купцами уже неделю. Их письма вскрываются, записки проверяются, слуги допрашиваются. Никаких тайных встреч. Никакой переписки между ними. Они даже на улице стараются не здороваться!

— Возможно, не любят друг друга, — сказал Бах.

— Тогда почему они каждую пятницу собираются на музыкальных вечерах у купца Шмидта?

— Потому что любят музыку!

— Вот именно! — воскликнул я. — Слишком сильно любят!

Бах посмотрел на меня с интересом.

— А вы сами бывали на этих вечерах?

— Разумеется. Музыка превосходная.

— И что же вас насторожило?

— После каждого концерта что-нибудь дорожает!

Бах задумался. Я почувствовал, что наконец произвёл впечатление.

— Интересно, — произнес он.

Когда Бах говорил «интересно», это означало, что он либо обнаружил важную улику, либо придумал новую фугу. В обоих случаях лучше ему было не мешать.

В пятницу вечером мы отправились на концерт к Шмидту. Сам хозяин, к моему удивлению, отсутствовал. Незадолго до концерта он изучил программу, отдал распоряжения приказчикам и уехал в соседний город подлечиться.

— Просил неделю его не беспокоить, — сообщил управляющий.

— Даже если случится пожар?

— Особенно если случится пожар.

Я записал: «Шмидт предусмотрителен. Возможно, чрезмерно».

Зал был переполнен. Среди гостей я заметил купцов Херца и Фогеля. Они сидели далеко друг от друга. Херц выглядел так, словно мог купить половину Лейпцига. Фогель — словно уже купил другую половину и теперь размышлял, куда поставить склады. Оба внимательно слушали музыку.

Бах играл великолепно. Публика аплодировала. Затем раздались крики:

— На бис!

— «Весёлую прогулку»!

Это была популярная пьеса неизвестного композитора. Лёгкая, жизнерадостная, мажорная. Существовала и другая — «Прощай любовь», печальная, минорная. Одну из них обязательно исполняли на каждом концерте.

Я никогда не придавал этому значения. И совершенно напрасно. Бах поклонился и сел за клавесин. Прозвучали первые ноты «Весёлой прогулки». Я сразу узнал мелодию. Но что-то с

ней было не так. Вместо весёлого мажора звучал печальный минор. Получалось, будто человек вышел на прогулку, а по дороге узнал, что его дом продан за долги.

Я посмотрел на Херца. Тот поднял брови. Фогель повернул голову. Их взгляды встретились всего на мгновение. Потом оба снова уставились на Баха. Когда музыка закончилась, они аплодировали громче всех.

— Великолепно! — воскликнул Херц.

— Необыкновенно! — поддержал Фогель.

Я почувствовал необъяснимую тревогу. Бах улыбнулся. И я должен был насторожиться именно тогда. Но, увы, история не знает сослагательного наклонения. Это я вычитал в каком-то календаре.

На следующее утро в Лейпциге началась соляная лихорадка. Первым выступил Херц. Он скупил всю соль на трёх складах. Фогель немедленно приобрел еще пять крупных партий. Приказчики отсутствующего Шмидта принялись закупать соль целыми обозами. К полудню торговцы перестали спрашивать, сколько стоит мешок. Они спрашивали, сколько мешков осталось. Херц заложил дом. Фогель продал лошадей. Приказчики Шмидта заняли деньги у родственников.

Я наблюдал за происходящим с растущим ужасом. Я размышлял вслух.

— Это заговор!

— Против кого?

— Пока не известно.

— Но масштаб впечатляет!

К вечеру склады были переполнены. Соль лежала в сараях, конюшнях, пустых лавках и даже в бывшей танцевальной школе. Но случилось непредвиденное. Покупателей не оказалось. В Лейпциге и без того хватало соли. Цена неожиданно рухнула.

Херц носился по складам с видом человека, который случайно купил море.

— Кто приказал покупать соль?! — кричал он.

— Вы сами, господин!

— Я?!

— Вчера вечером!

Фогель сидел на бочке и смотрел в пустоту.

— Мы разорены, — произнес он.

Я немедленно отправился к Баху.

— Новое преступление! — объявил я.

— Опять рыба? — спросил композитор.

— Соль!

— Её украли?

— Наоборот! Её теперь столько, что она никому не нужна!

Из кухни появилась Грета.

— Подешевела?

— В несколько раз!

— Наконец-то хорошие новости!

— Да, но три богатейших в городе купца на грани разорения!

— Зато сколько бедных горожан теперь смогут купить соль?

Я задумался.

— Много.

— Значит, не всё так плохо.

Лизхен сидела у окна и внимательно слушала.

— Господин комиссар, — спросила она, — почему купцы всегда покупают один и тот же товар одновременно?

— Тайное общество!

— Но вы говорили, что они не встречаются.

— Значит, общество чрезвычайно тайное!

— А как они узнают, что нужно покупать?

Вот тут я замолчал. Потому что это был действительно хороший вопрос. Бах поднял глаза от нот.

— А где сейчас господин Шмидт?

— Уехал до концерта подлечиться в другой город. У него железное алиби.

— Любопытно.

— Что именно?

— Что он уехал, предварительно ознакомившись с программой.

— Вы хотите сказать, он знал, что произойдет?

Бах улыбнулся.

— Я хочу сказать, что он думал, будто знает.

Разорившиеся купцы тем временем придумали спасительный план. Они решили заставить жителей Лейпцига есть больше соли. На рыночной площади появились торговцы с корзинами.

— Горожане! Солите арбузы! Это лучшее средство для похудения!

— Персики в рассоле укрепляют здоровье! И снижают давление!

— Солёные груши улучшают слух! И помогают от бессонницы!

— Щепотка соли в утреннем кофе делает человека умнее!

Я подошёл к последнему торговцу.

— Откуда вам это известно?

— Мне сказал купец Фогель.

— Он сам пробовал?

— Не знаю.

— Тогда почему советует другим?

Торговец задумался. Грета купила солёный персик. Откусила. И немедленно выплюнула.

— Господин комиссар, — сказала она, — если вы хотите арестовать кого-нибудь за преступление против человечества, начинайте с этого торговца.

Я попробовал персик. Грета была права. Такого преступления я ещё не встречал. Но оснований для ареста не было. Пока не было.

Вечером я пригласил ко мне домой троих купцов. И обещал, что они первые услышат новые сочинения Баха. Шмидт к тому времени вернулся из поездки. Он выглядел раздраженным. Херц был бледен. Фогель держался за парик так, словно боялся потерять последнее имущество.

Бах сел за клавесин.

— Господа, я хочу сыграть вам две мелодии.

Он исполнил «Весёлую прогулку». Мажор. Светлая, беззаботная музыка. Затем — «Прощай любовь». Минор. Печальная мелодия.

Купцы молчали.

— Знакомые произведения? — спросил Бах.

— Разумеется, маэстро, — ответил Шмидт.

— А теперь послушайте ещё раз.

Бах снова заиграл «Веселую прогулку». Но на этот раз, о ужас, — в миноре. Точно так же, как на последнем концерте. Херц побледнел ещё сильнее. Фогель схватился за парик обеими руками. Шмидт вскочил.

— Вы не имели права!

Я насторожился.

— На что? - спросил Бах.

— Менять тональность!

— Почему? — ответил Бах.

— Потому что это не ваша музыка! — выпалил Фогель.

— И что же? - усмехнулся композитор.

— А то, что нельзя превращать веселую пьесу в печальную без согласия автора! — закричал Шмидт.

Бах спокойно закрыл крышку клавесина.

— Почему же нельзя? Я ведь не изменил ни одной ноты. Просто поменял тональность.

В комнате стало тихо. Очень тихо. Я почувствовал, что сейчас произойдёт нечто важное.

— Господа, — сказал Бах, — вы придумали превосходный музыкальный шифр.

Шмидт побледнел.

— Какой ещё шифр?

— Шифр для согласования торговых распоряжений. Мажор означал рыбу. Минор — соль.

Я невольно раскрыл рот. Бах продолжал:

— На концертах всегда исполнялись две пьесы. Одна, мажорная, служила сигналом покупать рыбу, другая, минорная,— покупать соль. Никто не обменивался письмами. Никто не встречался тайно. Вы просто слушали музыку. И принимали согласованные решения в зависимости от того, что услышали.

Я посмотрел на купцов. Они молчали.

— Когда товар покупали, цена росла, — продолжал Бах. — Когда продавали запасы, цена падала. А вы зарабатывали на обеих операциях.

— Но почему они разорились? — спросил я.

— Потому что на последнем концерте я сыграл «Веселую прогулку» в миноре вместо привычного мажора.

Шмидт схватился за голову.

— Мы готовились покупать рыбу! Все деньги были поставлены на это!

— Но ваши сообщники услышали минор, — сказал Бах. — И решили, что нужно покупать соль.

— Вы всё испортили! — простонал Херц.

— Я всего лишь изменил тональность.

— Вы сделали это специально! — воскликнул Шмидт.

— Разумеется, мне надоело каждый месяц увеличивать семейный бюджет на продукты,— ответил Бах.

Я достал записную книжку.

— Прекрасно! Признание записано!

Когда купцов увели, я долго смотрел на клавесин.

— Иоганн Себастьян, это удивительный инструмент.

— Почему?

— Одним нажатием клавиш можно уничтожить целое состояние!

— И спасти жителей целого города, — добавила Лизхен.

Я кивнул. Действительно. Впервые появилась надежда, что рыба и соль будут доступны каждому.

Грета выглянула из кухни.

— А что теперь делать с этой горой соли?

— Будем солить рыбу, — ответил Бах.

— И грибы, — добавил я.

Грета задумалась.

— И огурцы.

— И капусту, — предложила Лизхен.

Я открыл записную книжку и записал:

«Дело раскрыто. Преступники использовали музыку для управления ценами на рыбу и соль. Главная улика — тональность. Вместо мажора - минор».

Подумал и добавил: «Впредь при расследовании преступлений обязательно проверять не только бухгалтерские книги, но и нотные тетради».

Затем закрыл книжку. В тот вечер я понял ещё одну важную вещь. В Лейпциге опаснее всех вооружённых разбойников иногда оказывается тихий человек в парике, который умеет играть на клавесине. Особенно если он меняет тональность.

Глава 3. Спокойной ночи, граф!

Мой супруг, граф Кейзерлинг, обладал тремя выдающимися качествами: огромным состоянием, неистощимой ревностью и совершенно удивительной способностью обходиться без сна. Последнее обстоятельство доставляло мне больше неприятностей, чем первые два вместе взятые. В ту мартовскую пору граф не спал уже третью ночь подряд. Он сидел в кресле, пил горячий шоколад и наблюдал за мной с выражением человека, обнаружившего заговор государственного значения.

— Почему вы улыбнулись молодому Гольдбергу? — спросил он.

— Потому что он пожелал мне доброго утра.

— Подозрительно!

— А что я должна была сделать?

— Промолчать!

Я вздохнула. Мой супруг был убеждён, что стоит ему хотя бы на минуту покинуть дом, как непременно произойдёт нечто ужасное. Поэтому он почти никуда не выходил. А поскольку в последнее время ещё и перестал спать, мне казалось, что он присутствует одновременно во всех комнатах.

Не стану утверждать, будто его подозрения были совершенно беспочвенны. Молодой клавесинист Иоганн Готлиб Гольдберг действительно был в меня влюблён. И я отвечала ему взаимностью. Разумеется, наша любовь оставалась исключительно платонической. Мы обменивались стихами, взглядами и осторожными улыбками. Однако граф находил подозрительными даже улыбки.

— Если бы его сиятельство заснул! — прошептала я однажды Гольдбергу.

Молодой человек задумался.

— У меня есть идея!

Он достал ноты Иоганна Себастьяна Баха.

— Вариации! Музыка удивительной красоты. Говорят, она помогает при бессоннице.

— Вы уверены?

— Проверим!

Признаюсь, мне следовало насторожиться. Но человек, который три ночи подряд слушает вопросы ревнивого супруга, начинает относиться к любым обещаниям тишины с излишним доверием.

Первым подопытным стал наш старый лакей.

— Садитесь, — предложил Гольдберг. — Я вам сыграю.

— Благодарю, сударь, но у меня служба.

Музыкант начал играть. Через несколько минут лакей заснул, продолжая держать поднос.

— Великолепно! — прошептал Гольдберг.

Я посмотрела на спящего слугу.

— А он всегда так легко засыпает?

— Теперь это не имеет значения. Главное, что музыка действует!

Меня этот ответ не вполне удовлетворил. Как потом рассказывал Гольдберг, на следующий день он устроил музыкальный вечер. Музыкант пригласил к себе друзей, знакомых и нескольких дам, которых считал знатоками музыки. И начал играть вариации Баха. Сначала заснул студент Шульц. Потом его подруга. Затем городской советник, два офицера и дама, которая ещё минуту назад уверяла, что никогда не спит днем. К концу концерта бодрствовал только Гольдберг.

После концерта мы украдкой встретились с ним в нашем саду. И он рассказал мне о том, что произошло на концерте.

— Гениально! — воскликнула я.

— Осталось испытать эту музыку на графе! — сказал Гольдберг.

— А если он проснется раньше времени?

— Я буду играть достаточно долго.

— А если не проснётся?

Гольдберг рассмеялся.

— Дорогая графиня, от хорошей музыки ещё никто не умирал.

Впоследствии я часто вспоминала эту фразу. Вечером молодой музыкант явился к моему супругу.

— Ваше сиятельство, я приготовил музыку специально для вас.

Граф подозрительно посмотрел на него.

— Она поможет мне заснуть?

— Несомненно.

— Надеюсь, никто не воспользуется моим сном?

Гольдберг покраснел.

— Я прослежу, ваше сиятельство!

— Похвально, — пробормотал граф.

Мой супруг давно уже как следует не спал и готов был испытать любое средство. Гольдберг сел за клавесин. Музыка была прекрасна. Её спокойное течение постепенно наполнило комнату удивительным умиротворением. Через четверть часа граф начал клевать носом. Еще через несколько минут его голова опустилась на грудь. Раздался храп. Гольдберг осторожно закрыл клавесин.

— Спит! — прошептал он.

— Наконец-то! - ответила я.

Мы вышли в сад. Впервые за долгое время мы могли разговаривать, не опасаясь, что из-за ближайшего дерева появится мой супруг с вопросом, что я здесь делаю. Мы гуляли по дорожкам, читали друг другу стихи и говорили о вещах, которые казались нам необыкновенно важными. Впрочем, влюбленные редко способны правильно оценивать важность собственных разговоров.

Утром граф продолжал спать. В полдень тоже. К вечеру я начала тревожиться. Сначала я осторожно потрясла супруга за плечо. Потом позвала громче. Затем велела принести колокольчик. Граф не просыпался. Мы щекотали его пером, звонили над самым ухом и даже сообщили, что его любимая лошадь выиграла скачки. Никакого результата. Он лишь перевернулся на другой бок и продолжал храпеть. Тогда я впервые подумала, что мы, возможно, совершили ужасную ошибку.

Пришлось вызвать комиссара фон Кляйна. Он прибыл в сопровождении Иоганна Себастьяна Баха, его дочери Лизхен и кухарки Греты.

— Дело ясное, отравление! — объявил комиссар, едва увидев спящего графа.

Я почувствовала, как похолодели руки.

— Но он дышит, — заметила Лизхен.

— Значит, яд оказался медленного действия!

— А почему он храпит?

— Организм сопротивляется яду!

Мне показалось, что комиссар наслаждается собственными выводами.

Грета тем временем осматривала стол.

— Что сегодня ел граф?

— Жаркое, пирог и шоколад, — ответила я.

— Хороший ужин, — одобрила кухарка. — Я бы тоже после такого заснула.

— Вы подозреваете жаркое? — спросил комиссар.

— Пока только повара.

Бах подошёл к креслу. Граф спал с таким довольным выражением лица, какого я не видела у него за все годы нашего брака.

— Что происходило перед тем, как он заснул? — спросил композитор.

— Я играл ему вариации, — ответил Гольдберг.

— Какие?

— Ваши, господин Бах.

— Мои?!

— Да. Они прекрасно действуют.

— На что?

— На сон.

Бах нахмурился.

— Я писал их для клавесина, а не для спальни!

Комиссар немедленно записал что-то в книжку. Позднее я узнала, что он отметил: «Подозреваемый применил музыку».

— А раньше вы её испытывали? — спросила Лизхен.

— На лакее, — признался Гольдберг.

— И что?

— Заснул.

— А ещё?

— На гостях.

— И они?

— Тоже заснули.

Комиссар вскочил.

— Массовое отравление! Музыкальное!

— Но никто ведь не умер, — заметила Лизхен.

— Пока не умер!

Я начала понимать, что вызов полиции мог оказаться второй ошибкой после исполнения вариаций. Грета неожиданно повернулась ко мне.

— А вы почему не заснули?

Вопрос был задан совершенно спокойно. Однако я почувствовала себя так, словно меня вызвали на допрос.

— Я вышла из комнаты еще в начале музыки.

— Почему?

— Мне захотелось подышать воздухом.

Кухарка внимательно посмотрела на меня, но промолчала. Лизхен переглянулась с отцом.

— Папа, кажется, я понимаю, зачем господину Гольдбергу понадобилось усыплять графа.

— И я, доченька. Но сначала выясним, почему он не просыпается.

У меня возникло неприятное ощущение, что эти двое понимают значительно больше, чем говорят. Бах сел за клавесин.

— Проведём следственный эксперимент, - сказал он.

— Я разрешаю! — торжественно объявил комиссар.

Композитор открыл ноты и начал играть вариации, которые до этого играли графу. Я присела в кресло, собираясь внимательно наблюдать за опытом. Помню, как Лизхен положила голову на руки. Комиссар зевнул. Грета устроилась на стуле. Затем мои веки стали тяжёлыми. Последнее, что я увидела, был Гольдберг, пытавшийся что-то сказать. А потом наступила темнота. Я уснула.

Дальнейшее мне пришлось восстанавливать по рассказам очевидцев. Точнее, единственного очевидца, который не заснул, — самого Баха.

Он продолжал играть, пока все присутствующие не погрузились в сон.

— Полифонично! — произнёс композитор. — Впервые никто не перебивает.

Граф продолжал храпеть. Бах попробовал сыграть громче. Безрезультатно. Он сыграл быстрее. Граф лишь перевернулся на другой бок.

— Невероятно! Моя музыка действует на всех, кроме меня самого!

Тогда композитор решил написать другую музыку. Он взял чистый нотный лист. Сначала появилась одна короткая фраза. Потом вторая. Затем третья — совершенно неожиданная.

— А вот теперь посмотрим, устоит ли сон!

Он заиграл. Музыка помчалась по комнате. Стремительные пассажи сменялись неожиданными паузами, резкими акцентами и такими поворотами мелодии, что даже клавесин, казалось, удивлялся происходящему.

Первым вздрогнул комиссар. Лизхен открыла один глаз. Грета проснулась и схватилась за корзину.

— Кто украл пироги?! — вскрикнула она спросонья.

И тут произошло главное.

— Прекратите!!!

Граф внезапно сел в кресле. От его крика проснулась и я.

Бах остановился.

— Доброе утро, ваше сиятельство!

— Откуда это вы взялись в моем доме, господин Бах?!

— Мы пришли вас разбудить,- сказал комиссар.

Мне пришлось вмешаться.

— Дорогой, это я их позвала.

— Зачем же?!

— Чтобы вас разбудить.

Граф посмотрел на часы.

— И сколько же я спал?

— Двое суток.

Мой супруг просиял.

— Двое суток?! Великолепно! Я никогда в жизни так хорошо еще не спал!

Комиссар бросился к нему.

— Ваше сиятельство! Вы стали жертвой преступления!

— Какого?

— Вас пытались отравить музыкой!

— Глупости! Это был лучший сон в моей жизни!

Я облегченно вздохнула. Но слишком рано.

Лизхен подошла к отцу и сказала тихо. Но, кажется, все услышали ее речь.

— Папа, а ведь Гольдберг хотел, чтобы граф заснул не ради его здоровья.

— Знаю.

— Он влюблён в графиню.

— Знаю.

— А графиня в него.

— Боюсь, я знаю не только это.

Мне стало жарко. Граф медленно повернулся ко мне. Я хорошо изучила этот холодный взгляд.

— Значит, я был прав! Вы улыбались ему неспроста!

Я опустила глаза. Гольдберг попытался спрятаться за клавесином. Надо признать, что клавесин — не самое надёжное убежище для влюбленного молодого человека.

— Господин комиссар! — закричал граф. — Арестуйте этого музыканта!

— За отравление?

— За то, что он ухаживает за моей женой!

— Это совсем другое дело, — заметил Бах.

Комиссар растерянно посмотрел на Гольдберга. В его записной книжке, по-видимому, не существовало подходящей графы для подобного преступления.

Но мой супруг уже переключился на другую мысль.

— А вы, господин Бах, сколько хотите за “сонные” вариации?

— Я ещё не решил.

— Я жалую вам пятьдесят талеров!

Композитор поклонился.

— Благодарю вас, ваше сиятельство.

— При одном условии.

— Каком?

— Никогда и никому их больше не играйте!

Бах задумался.

— Я хочу чтобы их играли только по моему приказу. Когда мне захочется еще раз выспаться.

— Как вам будет угодно, - ответил Бах.

— А новые вариации возьмите себе, если они понадобятся, графиня еще раз вас позовет!Верно, дорогая?

Мне ничего не оставалось как согласиться.

Грета шепотом спросила Баха, но я услышала.

— Господин, а можно мне сделать копию сонных вариаций?

— Зачем?

— Да, у меня один повар никак не хочет ложиться спать.

Бах рассмеялся.

Комиссар тем временем записывал заключение. Позднее мне удалось прочитать его:

«Отравления не обнаружено. Граф здоров. Подозреваемый влюблён. Музыка опасна». Признаюсь, последнее утверждение показалось мне наиболее справедливым.

О том, что происходило потом мне рассказала Лизхен. Мы с ней очень подружились.

— Папа, — спросила Лизхен, — а что ты будешь делать с новыми вариациями?

Композитор посмотрел на ноты.

— Пожалуй, сохраню. Вдруг когда-нибудь понадобится разбудить не только графа, а целый город?

— А со старыми как поступишь? — не унималась девочка.

— Сохраню. И дам им название.

— Сонные вариации! — пошутила Лизхен.

— Гольдберговские вариации! — заключил Бах.

Как же это справедливо назвать эту великую музыку именем моего возлюбленного. Я хотела сказать друга.

На этом расследование закончилось. Гольдберг сохранил свободу, Бах получил пятьдесят талеров, комиссар — ещё одно раскрытое дело, а мой супруг — долгожданный сон.

Что получила я? Пожалуй, самое ценное для женщины, живущей рядом с ревнивцем: знание о том, что даже самые бдительные мужья иногда засыпают. И не всегда их надо так поспешно будить!

Глава 4. Слишком много корицы

Мой отец утверждает, что для хорошего расследования необходимы три вещи: наблюдательность, терпение и способность отличать доказательства от предположений. Комиссар Генрих фон Кляйн придерживается другого мнения. По его убеждению, главное — найти подозреваемого, а доказательства непременно обнаружатся впоследствии. Грета же считает, что все преступления рано или поздно приводят на кухню. До описываемых событий я полагала, что прав отец. Теперь я думаю, что Грета тоже кое-что понимает в сыскном деле.

В этот раз всё началось с появления графини Кейзерлинг. Ранним апрельским утром она вошла в наш дом так стремительно, что едва не опрокинула стойку с нотами.

— Господин Бах! Гольдберг исчез!

Отец отложил перо.

— Когда?

— Три дня назад!

— Почему же вы пришли только сегодня?

— Я надеялась, что он появится!

Из кухни появилась Грета.

— Если мужчина не вернулся к ужину, это подозрительно. Если не вернулся к завтраку, зовите полицию. А если его нет три дня. Но об это лучше даже не говорить.

Графиня посмотрела на неё с удивлением. Я же мысленно представила, что было бы в доме, если бы меня не было три дня.

Комиссар прибыл через полчаса.

— Опять этот Гольдберг? — воскликнул он. — Тот самый, который усыпил графа?

— Именно, — ответила графиня.

— Возможно, теперь он усыпил самого себя?

— Господин комиссар!

— Хорошо, хорошо. Приступим к расследованию.

Мы отправились к реке, где, по словам одного из слуг, видели Гольдберга незадолго до исчезновения. И почти сразу комиссар обнаружил улику.

— Сандалии!

На берегу лежала пара больших кожаных сандалий. Комиссар поднял одну и торжественно продемонстрировал нам.

— Господа, дело раскрыто!

— Уже? — удивилась я.

— Разумеется. Сандалии на берегу, хозяина нет. Следовательно, он утонул.

— Но, Гольдберг прекрасно плавает, — заметил отец. — Каждое утро дважды переплывает реку.

— Вот видите! — обрадовался комиссар. — А на третий раз сил не хватило!

— Он переплывает ее только дважды, — терпеливо повторил отец.

— Значит, утонул на второй раз!

Я внимательно посмотрела на сандалии.

— Господин комиссар, а почему вы решили, что они принадлежат Гольдбергу?

— Графиня их узнала.

— А она назвала размер ноги музыканта?

— Нет. Об этом она мне не сказала.

Комиссар приложил сандалию к собственной ноге. Она оказалась почти на треть длиннее.

— У молодого человека могли быть большие ноги!

— Конечно, — согласилась я. — Но зачем пловцу оставлять на берегу обувь, которая ему не подходит?

Отец улыбнулся.

— Прекрасный вопрос, Лизхен.

Комиссар нахмурился.

— Вы хотите сказать, что сандалии подложили?

— Я пока ничего не хочу сказать. Мне просто не нравятся их размеры.

— А мне не нравится, когда улики начинают капризничать!

Следующим местом нашего посещения стала квартира Гольдберга. Хозяйка оказалась разговорчивой женщиной, которая знала о своих жильцах значительно больше, чем они сами.

— Господин Гольдберг собирался уезжать, — сообщила она. — Получил приглашение служить другому графу. Жалованье хорошее, отдельная комната и свободные вечера.

— Свободные вечера? — переспросила я.

— Да, барышня. Бедный юноша устал играть по ночам. Говорил, что хочет пожить как нормальный человек.

— А он уехал? — спросил отец.

— Нет. Вещи собраны, за комнату заплачено, а самого нет.

Комиссар достал записную книжку.

— Следовательно, сначала собрал вещи, потом утонул. Очень непоследовательный молодой человек.

— Или кто-то хотел, чтобы мы подумали, будто он утонул, — заметила я.

— Вот именно! — обрадовался комиссар. — Я уже пришёл к такому же выводу!

Отец кашлянул.

— Пять минут назад вы придерживались противоположного мнения.

— Следствие развивается, господин Бах!

Я тем временем рассматривала комнату. На столе лежало письмо с приглашением на новую службу. Я прочитала его внимательно. В нём действительно обещали хорошее жалованье и свободные вечера. Но больше всего меня заинтересовала одна фраза: *«Ожидаем вас не позднее первого числа следующего месяца».*

— Папа, начало нового месяца через 2 дня— сказала я, — Значит, Гольдберг вовсе не собирался исчезать.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что человек, который получил новую должность и уже собрал вещи, обычно спешит отправиться в путь. Занять новую должность.

Отец кивнул.

— Продолжай.

— Значит, ему кто-то помешал.

Комиссар торжественно захлопнул книжку.

— Вот! Теперь мы имеем дело не с утоплением, а с похищением!

— Возможно, — ответил отец. — Но пока мы не знаем, кто это сделал и зачем.

Я, честно говоря, уже начинала догадываться. И предложила нанести визит графу Кейзерлингу.

Граф принял нас в кресле. Он выглядел отдохнувшим, но чрезвычайно раздраженным. Узнав причину нашего прихода он сказал.

— Гольдберг? Неблагодарный мальчишка!

— Он собирался оставить вашу службу? — спросил отец.

— Представьте себе! Я предоставил ему прекрасную должность!

— Но он играл вам каждую ночь.

— Именно! И превосходно справлялся! Я наконец начал спать!

— А Гольдберг?

— А зачем музыканту спать ночью? Пусть спит днём!

Я подумала, что некоторые аристократы считают собственный сон значительно важнее сна всех остальных людей.

Комиссар приступил к допросу.

— Значит, вы были против его отъезда?

— Категорически!

— Вы пытались его удержать?

— Я предложил ему подумать.

— Где?

Граф замялся.

— В спокойной обстановке.

— И он согласился?

— Не сразу.

— А потом?

— Потом я перестал с ним разговаривать!

Комиссар записал: «Граф обижен».

— Подозрительно! — объявил он.

— Что именно? — спросил граф.

— Пока не знаю. Но очень!

Я заметила, что граф старательно избегает смотреть на дверь, ведущую во внутренний двор. Это было интересно. Ещё интереснее оказалось то, что всякий раз, когда мы произносили имя Гольдберга, граф поглядывал на часы. Словно ждал чего-то. Или кого-то.

Пока мужчины продолжали расспрашивать графа, Грета отправилась на кухню. Я пошла с ней. Это оказалось самым разумным решением за весь день. Графский повар был толстым человеком в белом колпаке. Он смотрел на Грету с подозрением, как один полководец смотрит на другого перед сражением.

— Любопытно, чем же вы кормите господ? — спросила она.

— В этом нет секрета. Его сиятельство любит утку с яблоками. Графиня предпочитает форель. Дети обожают сладкие пирожки.

— А молодой клавесинист?

— Господин Гольдберг? Яблочные клецки с корицей! Может съесть две тарелки зараз.

— И когда вы готовили их в последний раз?

— Сегодня.

Грета замерла. Я тоже.

— Сегодня? И для кого? — медленно спросила она.

— Для господина Гольдберга, разумеется.

— Но он же исчез три дня назад!

Повар удивился.

— Как исчез? А кто же тогда ест мои клецки?

Я почувствовала то самое волнение, которое, вероятно, испытывают великие сыщики в момент находки решающей улики. Грета же почувствовала нечто другое.

— Надеюсь, вы не перевариваете их?

— Никогда!

— Тогда покажите, пожалуйста, как вы их готовите.

Я взяла Грету за руку.

— Нам пора к папе!

— Подожди, Лизхен. Сначала я должна выяснить, сколько он кладёт корицы.

— Но ведь мы почти нашли Гольдберга!

— Нашли мы пока только его ужин. А ужин, девочка моя, ещё нужно приготовить как следует.

Мы догнали отца и комиссара по дороге к выходу.

— Господин фон Кляйн, — сказала Грета, — можете прекратить поиски утопленника.

Комиссар остановился.

— Вы нашли тело?!

— Нет. Я нашла еду.

— Какую еще еду?

— Которую ваш покойник собирается съесть сегодня вечером.

Комиссар открыл рот.

— Покойник все еще ест?!

— Выходит, что так.

Я вмешалась в разговор:

— Папа, каждый вечер для Гольдберга готовят его любимые клецки. Значит, он жив. И кто-то точно знает, где он находится.

Отец задумался.

— И этот кто-то распоряжается графской кухней.

Мы переглянулись.

— Граф! — воскликнул комиссар.

— Не спешите, — сказал отец. — Сначала посмотрим, куда отправится ужин.

Мы устроили засаду у кухни. Вскоре появился старый слуга с подносом. На нём стояли яблочные клецки с корицей, хлеб и кувшин молока. Слуга направился через двор к старому флигелю.

— Стойте! — закричал комиссар.

Слуга продолжал идти.

— Именем закона остановитесь!

Никакого результата. Комиссар догнал его и преградил дорогу.

— Кому это вы, любезный, несёте ужин?!

Слуга улыбнулся.

— Я спрашиваю!

Слуга молчал.

— Он, кажется, не слышит, — заметила Грета.

— Тогда пусть скажет что-нибудь!

— Возможно, он еще и немой, — предположила я.

Комиссар достал бумагу и перо. Слуга покачал головой. Писать он тоже не умел.

— Безобразие! — возмутился фон Кляйн. — В этом доме невозможно провести нормальный допрос!

Отец указал на поднос.

— А зачем его допрашивать? Посмотрим, куда он идёт.

Слуга радостно закивал.

— Вот видите! — объявил комиссар. — Я добился признания!

— Пока он признался только в том, что умеет ходить, — заметила я.

Слуга подошел к флигелю, достал ключ и открыл наружную дверь. Мы последовали за ним. Из глубины здания раздался возмущенный голос:

— Опять клецки?! Третий день подряд! Я хочу свободы, а не корицы!

— Гольдберг! — воскликнул отец.

За запертой внутренней дверью за столом сидел молодой клавесинист. Перед ним лежали ноты, перья и чернильница.

— Господин Бах! Наконец-то!

Комиссар расправил камзол.

— Именем закона вы освобождены!

Гольдберг облегченно вздохнул.

— Благодарю! А можно сначала поесть?

Грета одобрительно кивнула.

— Разумный молодой человек.

Когда мы вернулись во дворец, граф Кейзерлинг попытался объяснить свое поведение.

— Какая темница?! Я предоставил ему отдельные апартаменты, письменные принадлежности и трехразовое питание!

— А свободу? — спросила я.

— Свободу он получил бы, когда одумался!

— А сандалии на берегу? — спросил отец.

Граф отвел глаза.

— Я хотел, чтобы никто не мешал ему размышлять.

— А все решили что он утонул, — уточнил комиссар.

— Это была небольшая хитрость!

— Незаконное лишение свободы, — объявил фон Кляйн.

Граф всплеснул руками.

— Но я же заботился о его благополучии!

Я не выдержала.

— Ваше сиятельство, если человек получает хорошую еду, удобную комнату и не может выйти наружу, это всё равно тюрьма. Просто с хорошей кухней.

Отец посмотрел на меня с одобрением.

Грета добавила:

— И с чрезмерным количеством корицы.

Гольдберг собрал свои ноты.

— Я уезжаю служить другому графу!

Кейзерлинг схватился за голову.

— А кто же будет играть мне по ночам?!

Отец задумался.

— Ваше сиятельство, купите себе музыкальную шкатулку.

— Она играет ваши сонные вариации?

— Вариации Гольдберга. Пока нет. Но, возможно, когда-нибудь сможет.

— Я куплю ее за любые деньги!

Грета покачала головой.

— Граф, ваша супруга прекрасно поёт. Уверена, она сможет усыпить вас лучше любых музыкальных шкатулок.

— А что, хорошая идея! — обрадовался граф. — Сегодня же и попробуем! Правда, дорогая?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.